

10. Хорев В. А. Польская литература XX века. 1890–1990 / В. А. Хорев. – М. : Индрик, 2009. – 352 с.
11. Ямпольская Е. Альбер Камю, «Калигула». Театр на Малой Бронной / Новые известия. – 2002. – 30 мая.
12. Kosiński D. Słownik postaci dramatycznych, Kraków 1999 [Электронный ресурс] / D. Kosiński. – Режим доступа : <http://www.pora.pl/event/caligula-3>
13. Pageaux D.-H. L'imagerie culturelle: de la littérature comparée à l'anthropologie culturelle / D.-H. Pageaux // Synthésis. – 1983. – № 10. – P. 79–88.
14. Pawłowski Roman. Rosyjski Kaligula [Электронный ресурс] / Roman Pawłowski. – Режим доступа : http://wyborcza.pl/1,75475,9045230,Rosyjski_Kaligula.html

УДК 821.161.1.09

Яна Иконникова

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА
«СВОИ–ЧУЖИЕ» В ЭМИГРАНТСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ
А. И. КУПРИНА**

В статье рассматриваются эмигрантские произведения А. И. Куприна сквозь призму концептуально-культурологического подхода. Основой для анализа избран культурный концепт «свои–чужие». Помимо компонентов художественной предметности, обращается внимание на жанрово-тематические особенности прозы писателя зарубежного периода как одного из вариантов реализации концепта.

Ключевые слова: концепт, концепт «свои–чужие», хронотоп, ментальность, стереотип.

Иконнікова Я. В. Особливості реалізації концепту «свої–чужі» в емігрантській творчості О. І. Купріна. У статті проаналізовано емігрантські твори О. І. Купріна крізь призму концептуально-культурологічного підходу. Основою для аналізу вибрано культурний концепт «свої–чужі». Окрім компонентів художньої предметності, увагу звернено на жанрово-тематичні особливості прози письменника зарубіжного періоду як одного із варіантів реалізації концепту.

Ключові слова: концепт, концепт «свої–чужі», хронотоп, ментальність, стереотип.

Ikonnikova Ya. V. Peculiarities of Realizing Concept «Own–Strange» in A. I. Kuprin's Emigrant Works. This article is about A. I. Kuprin's emigrant works

according to conceptual and cultural approach. Cultural concept «own – strange» is chosen as a base for analysis. Genre and thematic peculiarities of writer's prose during foreign period are examined as one of the variants of concept realization, except of the components of literary subject.

Key words: concept, concept «own–strange», chronotop, mentality, stereotype.

Постановка научной проблемы и её значение. А. И. Куприн, сын своего века, проложил мост между литературой метрополии и литературой в изгнании. Но этот мост на карте русской словесности обозначен слабо, и на то существует несколько причин. В частности, социально-политического характера: творчество Куприна периода эмиграции в советском литературоведении практически не изучалось. Сегодня же «открытию» писателя мешают стереотипы, что он – «хрестоматийный» классик, востребованный лишь в среде детей и юношества, что его творческое наследие в достаточной степени изучено. Поэтому теоретико-методологический аппарат современной филологической науки практически не применяется к изучению его произведений. В этой связи исследование эмигрантского периода творчества А. И. Куприна в русле новейшего направления современного литературоведения, в частности концептуально-культурологического, представляется сегодня особенно актуальным. **Цель** статьи – проанализировать малоизученные произведения писателя периода эмиграции через особенности реализации в них культурного концепта «свои–чужие».

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. Одним из новейших направлений в анализе художественного текста стало концептуально-культурологическое, сформировавшееся в конце XX века. В современном литературоведении для термина «концепт» характерна произвольность употребления, поэтому необходимо уточнить границы его использования в рамках работы. За основу принято культурологическое определение концепта, предложенное Ю. С. Степановым: «Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека. У концепта сложная структура. С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия <...>; с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т. д.» [8, 43].

С. Г. Воркачев относит термин «концепт» к «зонтиковым», т. е. «он “покрывает” предметные области нескольких научных направлений» [1, 5]. О междисциплинарности концептуально-культурологического направления пишет В. Г. Зусман, ссылаясь на исследование В. П. Нерознака: «Речь идет о широком взгляде на слово, которое изучается “на стыке целого ряда гуманитарных отраслей знания — лингвистики, литературоведения, логики, философии, искусствознания и культурологии”» [4].

О концептуально-культурологическом направлении в литературоведческом анализе пишет Е. М. Лукинова: «Концепт связывает и текстовую (художественную) и внетекстовую (социокультурную, культурно-историческую) реальность. <...> Вводя концепт как единицу анализа, литературоведение получает возможность включить образную ткань произведения в общенациональную ассоциативно-вербальную сеть. Устойчивое значение произведения и слова перерастает при этом в подвижный, открытый, противоречивый, целостный смысл» [7, 12].

Н. Ю. Желтова в монографии «Проза первой половины XX века: поэтика русского национального характера» обобщает: «Концепт – это единица сознания, концентрат культуры в ментальном мире человека, играющий роль своеобразного посредника в процессе взаимодействия индивида с духовным опытом нации» [3, 41].

Таким образом, концепт – это связующее звено исследования: его использование позволяет объединить разные пласты междисциплинарного исследования, фрагменты культурологического, философского, мифологического опыта.

Одним из центральных концептов каждой национальной культуры является концепт «свой–чужие»: «Это противопоставление, в разных видах, пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [8, 126]. Самым явным противопоставлением «свой–чужой» является противопоставление по национальному признаку. Внутри одной нации также существует деление на «своих» и «чужих» в зависимости от социального статуса, культурно-образовательного уровня, политических или религиозных убеждений. Более тонкое деление происходит в малых группах, «микрокосме» индивида; оно обусловлено множеством факторов: от социальных и общественных до личных и интуитивных.

Литературовед В. Г. Зусман полагает: «Свое и чужое – один из центральных концептов культуры. Следовало бы точнее определять его как “свое–чужое”, по примеру “времени–пространства” (“хроно-топа”) М. Бахтина. Эти концепты носят универсальный характер, поскольку они присущи художественному творчеству, научному и бытовому мышлению» [4]. Универсальность концепта объясняется, по представлениям ученого, тем, что «в основе всякого сравнения и сопоставления лежат механизмы тождества и различия своего и чужого» [4]. Е. М. Лукинова пишет о концепте «свое–чужое» как об универсальном в ином ключе: «Универсальные концепты имеют идеальный религиозный смысл и в глубине противоречат материальной жизни с ее концептами себялюбия, также бытующие в национальных и социальных концептосферах» [7, 133, 134]. Исследователь делает вывод, что «общность высшего смысла и идеальный религиозный смысл являются ключевыми для определения концепта “свое–чужое”» [7, 134].

Творчество А. И. Куприна дает возможность проследить реализацию концепта «свои–чужие» на материале произведений двух художественных реальностей в истории русской литературы: Серебряного века и русского зарубежья. Концепт «свои–чужие» приобретает особое значение именно в творчестве А. И. Куприна, писателя-эмигранта. Изгнание повлияло на самоощущение автора, выбор тематики и жанра произведений. Писатель все злободневные, проблемные вопросы, социальные «болезни» общества, столь характерные для его творчества до эмиграции, привносит в публицистику, но не в художественные произведения. Объяснение этому можно найти в статье З. Гиппиус «Полет в Европу»: «Как общее правило: чем больше и ярче талант, тем больше у писателя и художественной честности, и целомудрия. Вот одно из объяснений, почему наиболее сильные, крупные художники дали за эти шесть лет меньше нового, чем дали бы без катастрофы – не личной, даже не литературной, сейчас не об этом говорю; но без катастрофы общероссийской. Как, в самом деле, выдумывать, когда честность подсказывает, что всякая выдумка будет бледнее действительности? Да и о каких людях писать, а главное – о какой жизни, если всякая жизнь разрушена, а лица людей искажены? <...> Но можно говорить о прошлом... К этому и приходят мало-помалу русские писатели, оправляясь от пережитого: ведь они все-таки писатели и недаром же не погибли» [2, 46]. О ретрос-

пективности творческого поиска пишет и С. Черный в статье «Роза Иерихона»: «За рубежом – усталость, тяжелая литературная поденщина, поток “воспоминаний”...» [9, 174].

Ретроспективность творчества, перенос социально-политических вопросов в публицистику, разделение своего творческого «я» на писателя и публициста стало одной из реализаций концепта «свои–чужие». В этом варианте реализации концепт проявляет свой «зонтиковый характер», то есть принадлежность к терминологическому аппарату таких научных дисциплин, как психология, культурология, лингвистика, литературоведение.

В качестве иллюстрации указанной реализации концепта «свои–чужие» можно привести рассказ «Ночная фиалка», написанный в 1933 году в эмиграции, но действие которого полностью разворачивается на русской земле. Светлыми, радостными красками рисуются Куприну годы юношества в романе «Юнкера» (1928–1932): не только добрые воспоминания способствуют такой идиллической картине, но и ностальгия по Родине (стоит вспомнить повесть «На переломе (Кадеты)» (1900), написанную в совершенно иной тональности). Ретроспективность характерна и для рассказов «Ольга Сур» (1929), «Потерянное сердце» (1931). Каждое из этих произведений, помимо сюжетной линии, содержит очерковые сведения о профессии главных героев: цирковом искусстве, авиации. Факты, положенные в основу каждого из произведений, реальны и относятся к доэмигрантскому периоду жизни писателя.

Еще одной характерной особенностью в жанрово-тематическом плане становится обращение к миру мифов и легенд, их творческому переосмыслению. В этом уходе от реалистических тем, основных в творческом наследии писателя, также выражается искомый концепт. Уход в миры прошлого, в миры грёз и фантазий говорят и об уходе от мира реального, чуждого писателю. Он сам определяет жанр своих рассказов. Так, рассказ «Скрипка Паганини» (1929) он сопровождает комментарием: «Кому не известна легенда о том...» [6, 39]. В рассказе «Геро, Леандр и Пастух» (1929) говорится: «Я думаю, что всем на свете известно старое, трогательное предание о Леандре и Геро» [6, 45]. «Синяя звезда» (1927) считается сказкой. Кроме того, интерес к подобным жанрам говорит и о состоянии русской литературы в эмиграции. В статье З. Гиппиус «Полет в Европу» читаем: «Имели ли мы, русские, хоть приблизительное представление, в какой степени

наша литература не известна Европе? Просто не знакома — никто не смотрел, никто не видал, и знакомиться с ней европейцам очень тяжело. Не в них и не в нас вина (если есть вина); должно быть, самый дух наш труден для восприятия. <...> Мы поневоле ищем хоть какого-нибудь своего места на чужой земле. <...> Теперь знают они о нас плачевно мало (говорю преимущественно о Франции, где живу). Для них есть какая-то общая “*âme gusse*”, в которой они отчета себе не отдают, да и смотрят вполглаза; кроме того, есть, в смысле интереса, “экзотика”» [2, 58–59].

Особый интерес в ряду произведений периода эмиграции представляет рассказ «Ю-ю» (1927). В нем использованы автобиографические детали из жизни самого А. И. Куприна во Франции, но в рассказе эти события переносятся в прошлое, в Россию. Подобный перенос событий на русскую почву говорит о чуждости французских реалий для писателя, о его глубокой тоске по Родине, по исчезнувшему быту и бытованию старой России.

Одним из немногих произведений о жизни эмигранта стала повесть «Жанета» (1932–1933). В основе ее сюжета – судьба одинокого русского профессора, оказавшегося в Париже, и его отеческая привязанность к французскому ребенку.

Реализация концепта «свой–чужие» проявляется прежде всего в противопоставлении русского профессора и французского окружения. Куприным особо подчеркивается амбивалентность образа Симонова. Русский профессор первоначально раздражал французов несвойственной им рассеянностью. Затем он расположил их своим приятным общением, и они «привыкли и благодушно поправляют его» [5, 438]. Далее, с одной стороны, подчеркивается, что черты характера главного героя не присущи русскому в понимании французов, что прибавило симпатий старому профессору со стороны «чужих»: «Он приятен тем, что в его обращении с людьми много независимости, легкости и доброго внимания. Совсем в нем отсутствуют те внешние черты унылости, удрученности, роковой подавленности, безысходности, непонятости миром – словом, всего того, что французы считают выражением “ам сляв” и к чему их энергичный инстинкт относится брезгливо» [5, 438–439]. А с другой стороны, писатель отмечает, что Симонов «чувствовал какую-то неловкость пред французами, чувствовал себя трутнем среди трудолюбивых пчел» [5, 439]. Эта кротость, неловкость – одновременно и следствие нахождения на

чужой территории, и качество самого профессора как русского человека. Стоит отметить оригинальный авторский прием, когда при характеристике французов, их менталитета А. И. Куприн больше внимания обращает не на языковые различия, а на особенности жестов, нюансов «чужого» внешнего поведения: «разводили руками, хлопали себя по бедрам, кричали», «с неизменной улыбкой» «поднимут плечи до ушей и возразят» [5, 438–440].

Концепт «свои–чужие» в повести также реализуется на уровне особого отношения к Парижу и французскому языку, которые постепенно становятся для Симонова привычными, что лишь подчеркивает их чуждость сердцу русского человека. Французские слова, названия, понятия прочно вошли в жизнь профессора, но они же соседствуют с русскими. В разговоре с приятелем Симонова, русским художником-эмигрантом, употребляется слово «ляпен» (кролик), причем в русской транскрипции, что говорит о тенденции к ассимиляции языков, о влиянии «чужого» французского, но ставшего уже обыденным.

Интересно, что топонимика Парижа дана либо тоже в русской транскрипции, либо непосредственно на французском языке, но само описание места дается на уровне сопоставления «своего» – русского и «чужого» – инокультурного. На первых страницах романа читаем: «В юго-западном углу Парижа, в зеленом нарядном Passy, в двух шагах от Булонского леса... живет старый русский профессор» [5, 437]. Уже в самом начале произведения четко противопоставляются: место и человек, французское и русское. Эмигрантское жилище профессора – «чердачная мансарда» – описывается как чуждое духу русского дома, но с использованием русских национальных прецедентных образов: «похожа видом и размером на гроб Святогора, старшего богатыря», «живет с простотою инока» [5, 437].

Таким образом, концепт «свои–чужие» при сопоставлении русского и французского реализуется через хронотоп (пространство Парижа и отношение к нему Симонова), поведенческие и речевые характеристики персонажей.

Особой реализацией концепта «свои–чужие» становится тема одиночества профессора-эмигранта, которая усиливается его отчуждением в казалось бы родной эмигрантской среде. Неслучайно своего кота Симонов называет по-французски Вандреди (Пятница), что отсылает нас к Робинзону Крузо, изолированному от общества. Профессор в эмиграции не поддерживает связей с бывшими соотечестве-

никами, ему чужды их политические лозунги. В прошлой жизни в России он был «чужим» и в профессорской среде в виду своих личных качеств. Семья для Симонова тоже не стала «своей»: жена оказалась «чуждой» по духу, воспитанию, взглядам на жизнь, и она же сделала таковыми детей для профессора. Подобная изоляция Симонова особо оттеняет положение эмигранта.

Дружба с ребенком становится кульминацией одиночества профессора, подчеркивает его отрыв от реальной жизни, уход в свой мир, мир прекрасный и непонятный «чужим», мир трогательный и хрупкий. Особый детский взгляд на мир, способность удивляться одновременно простому и прекрасному объединяют старика и ребенка. У Жанеты и профессора много общего, они «свои»: оба восхищаются чудесами природы, оба фантазеры и первооткрыватели, но окружающим – «чужим» – не понять их: «Профессор начал было рассказывать о пауке, но у него не вышло... Газетчицу интересовали не пауки, а сантимы, и она не слушала» [5, 452]. Отношение к миру как к чудесной дороге открытий – это общее, «свое» для Симонова и Жанеты.

Однако отношения «своих» профессора и Жанеты были обречены, поскольку было слишком много «чужого» в их мире. Вторжение Симонова в чужую страну, в чужую среду, в чужую семью было воспринято как сигнал опасности нарушения «своего», и общение с девочкой становится невозможным: «Водиться с русским профессором строго-настрого запрещено...» [5, 481]. Повесть заканчивается отъездом Жанеты. И остается щемящее чувство жалости к профессору, одинокому и непонятому ни в России, ни во Франции.

Выводы. Концепт «свои–чужие» в творчестве А. И. Куприна периода эмиграции находит особую глубокую реализацию. Помимо компонентов художественной предметности, концепт реализуется и в жанрово-тематических особенностях прозы этого периода. Подобной вариант реализации подчеркивает не только усиления роли этого концепта в творчестве автора, расширение его границ, но и говорит о междисциплинарной природе концепта.

В произведениях писателя реализацию концепта можно проследить в различных социальных, пространственных, этнокультурных условиях, в различных аспектах личной и общественной жизни; в ракурсе различных возрастов. Концепт «свои–чужие» реализуется в произведении через элементы поэтики: хронотоп, компоненты худо-

жественной предметности (поведение персонажей, их портретные и речевые характеристики). Усиление внутреннего конфликта (уход от внешнего, социального) также становится особой формой выражений искомого концепта.

В произведениях Куприна концепту «свои–чужие» отводится особое место как в показе противоречий человека и общества, так и внутренних, духовных конфликтов. Концепт «свои–чужие» присутствует на различных уровнях произведения, что позволяет увидеть скрытые отношения между персонажами и, в свою очередь, позволяет более точно уловить замысел писателя.

Список использованной литературы

1. Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация / С. Г. Воркачев : сб. ст. – Вып. 24. – М. : [б. и.], 2003. – 144 с.
2. Гиппиус З. Н. Полет в Европу / З. Н. Гиппиус // Современные записки. – 1924. – № 18. [Цит. по : Критика русского зарубежья. В 2 ч. Ч.1. – М. : [б. и.], 2002. – 471 с.].
3. Желтова Н. Ю. Проза первой половины XX века: поэтика русского национального характера : монография / Н. Ю. Желтова. – Тамбов : [б. и.], 2004. – 307 с.
4. Зусман В. Г. Концепт в системе гуманитарного знания [Электронный ресурс] // Вопр. лит. – 2003. – № 2. – Режим доступа : URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2003/2/zys.html>.
5. Куприн А. И. Волшебный ковер / А. И. Куприн. – М. : [б. и.], 1991. – 496 с.
6. Куприн А. И. Собрание сочинений / А. И. Куприн. В 5. Т. 5. – М. : [б. и.], 1982. – 464 с.
7. Лукинова Е. М. Концепция человека в малой прозе Эрнста Вихерта : монография / Е. М. Лукинова. – Тамбов : [б. и.], 2008. – 244 с.
8. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : [б. и.], 2004. – 992 с.
9. Черный С. «Роза Иерихона» / С. Черный // Критика русского зарубежья. В 2 ч. Ч. 1. – М. : [б. и.], 2002. – 472 с.

Myroslawa Kawecka

KSZTAŁTOWANIE RELACJI SWÓJ – OBCY – INNY W LITERATURZE UKRAIŃSKIEGO BAROKU

Кавецька М. Формування співвідношення між Своїм – Чужим – Іншим у літературі українського бароко. У статті досліджено проблему формування